

Александрю Пушкину

ЗИМНЯЯ ВСТРЕЧА

В парке, среди деревьев разреженных,
У высоких тополей,
Я увидел бюст заснеженный
В перекрестии теней.

Подойдя тропой завьюженной,
В страхе я застыл на миг —
Несравненный, ясный, пушкинский
Мне предстал посмертный лик.

Очи вещие закрытые,
Молчаливые уста...
Их неужто не отверзешь ты,
Усладив наши сердца?

Спишь под ветра причитания,
Созерцая дольний круг.
Чужд печали и роптания
Твой ушедший в небо дух...

Приношу привет бессловный —
Внемлет мне родной поэт.
Я в порыве чувств сыновних
Сердца горестных замет

Изливаю откровение...
И в вечерней тишине
Принимаю весть от гения,
Будто в тонком, кратком сне.

«Твой приход мне в утешение,
Вспомни о моей семье.
Я нуждаюсь во прощении —
Помолись, брат, обо мне.

Сильно мстил мне дух лукавый
За паденья юных дней.
И в зените моей славы
Странник был я среди людей.

Томим ревностью, тоскою
Жертва низкой клеветы,
Пулей был убит иною...
Всех простив, как знаешь ты.»

Наступил черед молчания.
Сделав Пушкину поклон,
Состраданьем опечаленный,
К парковым вратам я брел.

Сумерки сгущались медленно,
Тени вправо повело,
Лишь белело неизменное,
Думы полное чело...

Михаилу Лермонтову

В ГОРАХ КАВКАЗА

Любовью обделенный с детства,
С исполненной обид душой,
Вкушал он жадным, чутким сердцем
Ему неведомый покой
Лишь на Кавказе...

Громады каменных отрогов,
И башни зубчатых вершин —
Застывшее в молчанье слово,
Которое среди долин
Звенит рекою...

Он созерцал, как с горних круч
Летели в бездну водопады
И разбивали стаи туч
Их быстродвижные каскады.

Какая мощь, какой напор!
Как все в природе вдохновенно !
А жизнь людей — лишь прах и сор,
Погибель ждет их век растленный...

Бродя по тайным узким тропам,
Сразившись с цепкою листвою,
В местечке примостясь укромном
С тетрадью, быстрою строкой,

Поэт, причастный вдохновенью,
Запишет повесть беглеца...
Ах, инок Мцыри! Был ты тенью
И отражением творца,

Его бунтарских настроений,
Мятежной, искренней души.
К свободе рвался юный гений,
От уз страстей и суеты...

В вечерний час, когда светило
Свои закатные лучи
Как блески злата, уронило
На крону дикой алычи,

Среди цветов заснул увитый
Травую горною поэт.
И было некому увидеть
Улыбки детской мягкой свет...

Семену Надсону

*Христос молился... Пот кровавый
С чела поникшего бежал...*

ГЕФСИМАНСКИЕ ОЛИВЫ.

Я хожу меж олив в Гефсиманском саду,
И руками ласкаю стволы вековые,
В их узлах и расселинах вдруг нахожу,
Что деревья от мира сокрыли...

Вот Спаситель в избранном притихшем кругу
Возвещает нетленное слово,
Как Владыка небес вводит в радость слугу,
Приобретшего вечные кровы.

«В малом верен был раб, усердный в трудах,
Он поставлен над многими будет.
Жалок тот, кто зарыл все таланты во прах,
И уста его сами осудят»...

Серебром задрожала под вечер листва:
«Здесь Христос на коленях молился,
И, как кровь, капли пота катились с лица,
Ими корни олив осолились...»

Мои пальцы нашли углубленья коры,
Не оттуда ли вышло виденье:
Ученик, предварив приближенье толпы,
Приступил ко Христу черной тенью...

«Ты лобзаньем Меня врагам предаешь?
Что ж, верши свое дело скорее.»
Ужаснулись оливы Иисусовых слов
И потупили кроны в смятенье.

«Словно руки, мы ветви воздели горе,
Когда позже, во облаке светлом,
Возносился Господь, оставляя земле
Мир в учении новозаветном.

Мы листвою сокрывали от Божьих врагов
Пресвятую Деву Марию.
Богоматерь, войдя под зеленый покров,
Оставалась невидимой змию

И просила Рожденного Ею без слез
О Своем от земли преставленьи.
Светоносную ветвь Ей из рая принес
Гавриил — как ответ на моленье.»

Ах, оливы, библейских наперсницы тайн,
Я желал бы навеки остаться
Среди Вашей прохлады...мне мысленный Рай
Вы отверзли...Храни Вас Создатель!

Иннокентию Анненскому

*Но сердцу чудится лишь красота утрат,..
...Волнует вкрадчивый осенний аромат.*

Уже без сожаления и грусти,
Без страха потерять твою любовь.
Так пусть осенние сгорают кущи
В багряном пламени- жизнь возродится вновь!

ОСЕННИЙ РОМАНС

Ах, осень, ты всегда с собой приносишь
Венок пшеницы золотистой в волосах,
А платье из кленовых листьев цвета крови
Меня ввергает в восхищение и страх.

Прекрасна ты, о царственная осень,
И строгостью, и щедростью твоей,
Прикажешь — и ветра листву уносят,
Зато сияет солнце меж ветвей.

Боюсь лишь одного я- обнищанья -
После роскошных красок сентября,
Октябрь- символ тихого страданья
Для тех, кто все отдал, забыв себя...

Но тайно веселит меня надежда,
Что, по прошествии холодных зимних дней,
Весна в зеленой праздничной одежде
Заставит вспомнить о красе твоей

Сергею Бехтееву

*И струится аромат
Распустившейся сирени...*

УЕЗДНЫЕ ГОРОДА

Что милее нам уездных городов?
Чистых улиц, зданий невысоких
И купеческих особняков,
Чьи владельцы уж теперь далеко...

Кафедральные соборы снесены,
В закоулках спрятались церквушки,
Пусть потрепаны и лоска лишены,
Да теплы, как русские старушки...

С толстыми колоннами ряды,
Площади в узорах из брусчатки,
На задворках избы и сады —
Роскоши потерянной остатки.

Помельчал народ, уже не тот —
Нет квартального с задорными усами
Мимо вас купчина не пройдет,
И не встретит баба пирогами.

Но зато все те же соловьи,
Что поют под снежных яблонь сенью,
Так же пары бродят до зари,
Опьяняясь запахом сирени.

И не выцвела от времени луна,
Входит в окна серебристым диском.
А у речки, ошалев без сна,
Квакает во всю зеленый дискант.

Утро тихое. Промокли от росы
Бедные мои столичные штиблеты!
Кажется, никто здесь не спешит —
Суетны московские поэты!

Пес застыл дворовый не дыша,
Вперившись в меня прицельным взглядом.
У ворот пусть постоит чужак —
Неусыпный страж хозяев — рядом!

Совестно мне нарушать покой
Родичей с укладом жизни чинным,
Хлебосольный ждал меня постой —
Я бродил по улицам пустынным.

Что ж, покуда в древний монастырь
Я зайду, чтоб отдохнуть душою.
Сев на паперть и стирая пыль,
Грею камень трепетной рукою...

Осипу Мандельштаму

*Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.*

«Я ПОМНЮ ТО ВРЕМЯ...»

Простите мне мой детский страх,
Я вырос в век, когда дворяне
Жгли родословье впопыхах,
Боясь, что кто-то на них взглянет...

А говорить о сокровенном
нас отучило само время —
Ушами шевелились стены,
И стыла кровь от страха в венах,

Когда среди безлунной ночи
Звук раздавался сапогов:
Будь ты профессор иль рабочий, —
Нет, не спасал тебя засов.

Не исчезал страх на рассвете,
Свистел гудком фабричных труб,
Пронизывал собою труд,
Передавался малым детям...

Я кожей помню ту эпоху
И запах тот в себя впитал,
Пусть несмышленишем был, крохой,
Но ныне, хоть и старым стал,

Мне иногда, в часы покоя,
Вдруг чудится холодный взгляд
И ругань хриплая конвоя,
И понимаю: то был ад...

Ивану Бунину

*И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Изможденный постылой чужбиной,
В Отчий дом обратил он стопы.
Образ родины, светлой и милой,
Навевали и думы, и сны...

Все имел он в года молодые,
Поле, лес, половину дворца,
Но не думал, что значит быть сыном,
Принимая заботу отца.

Почему не хотел назвать имя,
Говоря лишь родителю «ты»?
И склонить перед ним свою выю
Почитал оскорбленьем мечты

О свободе и жизни привольной,
В отдаленье от вещей очей...
Оттого вспоминать было больно
Про ушедший покой юных дней...

Между тем, сил осталось немного,
Нескончаемым видился путь,
Вся в ухабах, крутая дорога —
И не встать, если лечь отдохнуть...

Неожиданно сердце согрелось,
Омертвевшее, вдруг ожило.
И воспрянуло хилое тело,
И идти уже не тяжело!

Сын почувствовал, хоть не увидел,
Взор всеведущих, ласковых глаз,
Он не знал, что с поспешностью вышел,
Дав прислужникам быстрый наказ

Приготовить льняные одежды,
Позабывший обиды отец.
А в дому, паче всякой надежды,
Был заколот для сына телец...

Роберту Рождественскому

Человеку

мало

надо.

Лишь бы кто-то дома

ждал.

ДРУЗЬЯМ

Меру положим трудам —
Излишесвта ни к чему,
Отдых я дам глазам, Главе,
устам и уму.

Слову нужно созреть,
Оно по цене — серебро,
В кармане осталась медь —
Так что молчать суждено.

Чтобы давать другим,
Нужно иметь самому,
Коль не паяц, ни мим,
И жизнь бережешь свою.

Ценно лишь то добро,
Которым душа живет,
Иначе всем все равно —
Не верят тому, кто лжет.

Простите меня, друзья
Что солнцем хотелось быть —
Всех обогреть нельзя,
Ведь нужно камин топить.

Я ухожу в тишину,
Вам оставляю покой.
А позовете — приду,
Стихи прихватив с собой.